

Михаил Малютин

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ И СОЦИАЛИСТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЫБОР ПУТИ

Размежевание двух этих линий в идейно-политической жизни страны стало в первой половине 1990 года реальным фактом. В первой декаде мая прошел съезд социал-демократов, в последней декаде июня — социалистов; между тем по понятным читателю причинам информации о том, что же из себя представляют данные течения и в чем между ними разница, в советской прессе практически нет. И самое интересное при этом заключается в том, что эта ситуация характерна не только для официальных источников, но и для самиздата; хотя и у социалистов, и у социал-демократов, разумеется, есть свои печатные органы, полемики между собой они как-то никогда особенно не вели. Обстоятельства жизни автора данных заметок сложились таким образом, что еще с 1984 года он знаком с одним из идеологов и организаторов «новых социалистов» Борисом Кагарлицким, а с 1987 года — с наиболее авторитетным из лидеров социал-демократов Олегом Румянцевым. Благодаря товарищеским отношениям с ними и многими другими активистами формирующихся движений, совместной работе на протяжении нескольких лет (прежде всего — в московском Народном фронте) картина начальных этапов развития и размежевания этих политических течений известна мне, что называется, изнутри. И каковы бы ни были их последующие шаги, то, что было, — это уже история, история воскрешения традиций и тенденций, казалось бы стертых тоталитаризмом в лагерную пыль, а потом вроде бы забытых и быльем поросших. В настоящее время данные организации вступили в новую фазу, которую можно назвать профессионализацией. «Неформальность» первых лет (1987—1989) была прежде всего проявлением самореализации отдельных людей и групп, но в последние месяцы «дилетантизм» и «любительщина» становятся у лидеров и активистов формирующихся партий наиболее часто встречающимися бранными словами. Идет поиск социальной базы. Силы, не сумевшие избрать хотя бы некоторое количество депутатов, оказались за гранью того, что в настоящее время в СССР понимается под политикой.

Данные заметки — это, прежде всего, попытка подведения некоторых итогов и прочерчивания перспективных линий дальнейшего развития. Но сначала надо остановиться на «внутриутробной», «доперестроечной» стадии эволюции новейших российских социалистов и социал-демократов. Мало кто уже на шестом году революционной перестройки знает, что сразу же после 1953 года развитие самостоятельной социалистической мысли в стране возродилось примерно в той же точке, в которой оно было насильственно оборвано сталинщиной за 20 лет до того. Как известно, «платформа Рютина» была своего рода синтезом усилий левых и правых: у первых была прежде всего взята на вооружение программа демократизации политической системы (и в особенности внутрипартийной жизни), у вторых — основы экономического курса. Первые политзаключенные хрущевских времен — группа студентов-историков МГУ, лидерами которых были Лев Краснопевцев и Револют Пименов, арестованные в 1957 году после выпуска листовки (по итогам Пленума, ликвидировавшего «антипартийную группу»), — фактически стояли именно на позициях «рютинской платформы». Группы аналогичной ориентации неоднократно возникали и ликвидировались «компетентными органами» и в 60—70-е годы и главным образом также состояли из молодой интеллигенции, прежде всего студентов, но преобладающими стали иные формы социалистической идеологии (по крайней мере, в Ленинграде и Москве). Вторая половина 60-х была окрашена в цвета «социализма с человеческим лицом» и завершилась событиями, запечатленными в известных стихах Евтушенко: «Танки идут по Праге — Танки идут по правде».

Конец 60-х — начало 70-х вывели на первый план интерес к «новому левому» движению с уклоном в «третий мир», в конце 70-х объектом усвоения и переработки стал «еврокоммунизм». Но ответа на вопрос: «Что делать?» — в условиях позднебрежневского режима все эти поиски до поры до времени не давали. Кстати, именно так — «Поиски» назывался один из самиздатовских журналов, в котором на рубеже 70—80-х началось

концептуальное перевооружение советских лезых. Задним числом происшедшие тогда сдвиги легко реконструировать, прочитав изданные в вынужденной эмиграции «Самоуправление» Вадима Белоцерковского и работы Петра Абовина-Егидеса, до сих пор абсолютно не доступные никому, кроме читателей самиздата. Учитывая, что за последние годы опубликованы практически все «классики самиздата» иных направлений, продолжающаяся до настоящего времени информационная блокада течения, которое условно может быть названным «самоуправленческим социализмом», выглядит довольно примечательно. Наиболее развернутым манифестом нового направления, на мой взгляд, стала написанная Борисом Кагарлицким в 1979—1980 годах «Диалектика надежды», опубликованная в Париже издательством «Слово» в 1988 году. Начавшиеся в 1980 году в Польше события подтвердили, что разрабатываемая концепция ликвидации тоталитаризма на базе развития массового движения трудящихся за самоуправление имеет шанс на осуществление, но попытки «молодых социалистов» (как их назвала мировая пресса) не только пропагандировать свои взгляды в самиздатовских бюллетенях «Варианты» и «Левый поворот», но и наладить координацию практических действий реально существовавших в различных городах примерно десятка левых организаций и групп завершились в 1982 году для шести лидеров арестом и тринадцатимесячным следствием. И хотя по ряду причин до суда дело не дошло, анализировать причины поражения в Польше пришлось уже в новую историческую эпоху...

Таким образом, новый для России самоуправленческий социализм возник на пересечении целого ряда идейных течений: наследия Троцкого (включая IV Интернационал), опыта борьбы восточноевропейских левых против установленных при поддержке Москвы тоталитарных «социалистических» режимов, деятельности «новых левых», левого крыла социал-демократии, народнического социализма в развивающихся странах. Попытки возрождения традиций российской социал-демократии тоже неоднократно предпринимались в описываемые годы, но речь в большинстве случаев шла именно о ее классической марксистской разновидности (так, например, один из организаторов в 1978 году первого независимого профсоюза в СССР СМОТ — свободные межотраслевые объединения трудящихся — Владимир Сквирский самоопределился именно как продолжатель дела Каутского). Вопрос о том, что к условиям СССР в принципе применима современная концептуальная модель Социнтерна, впервые был поставлен «молодыми» социалистами Павлом Кудюкиным и Андреем Фадиным, но оба они сформировались и продолжают в настоящее время самоопределяться в рамках марксистской интеллектуальной традиции. Размежевание с ней внутри современной социал-демократической идеологии в СССР удалось в теории наиболее последовательно осуществить Борису Орлову (на базе изучения западноевропейского опыта), а практически — Олегу Румянцеву, имевшему возможность в Венгрии наблюдать опыт социал-демократизации кадаровского режима.

Разграничительные черты между российскими социалистами и социал-демократами впервые были отчетливо проведены на социал-демократической школе в Таллинне в июле 1989 года. По удачной формулировке Бориса Орлова, с точки зрения современной социал-демократии (в отличие от ее классической марксистской разновидности) никакого принципиального противоречия между социализмом и либерализмом нет — социализм и есть либерализм, из сферы политики и идеологии распространённый на экономические и социальные проблемы. Соответственно идея классовой партии даже в более размытом варианте «партии трудящихся») уступает место общенародной партии с опорой на средние слои. Идеи национализации экономики (и самоуправления — в другом варианте марксистской традиции), то есть коренной трансформации существующей экономики регулируемого государством рынка, оттесняются планами ее дальнейшего усовершенствования - в рамках «социального государства» и т. п. Заслугой Олега Румянцева является попытка практического применения этой модели социал-демократии (с либеральным большинством и марксистским меньшинством) к советской реальности путем создания соответствующей организации.

Основные моменты теоретических расхождений социалистов и социал-демократов можно свести, на мой взгляд, к следующим пунктам.

Во-первых, для социалистов социализм — это реально осуществимая цель построения нового общества, качественно отличающегося от современного капитализма (даже в его шведской или австрийской разновидности). По мнению вторых, надо не строить утопии, а продвигаться поэтапно по пути большей социальной и экономической демократии; если кому-то нравится, то можно называть это социализмом (но О. Румянцев, как человек последовательный, всегда предпочитает говорить именно о социальной, а не о социалистической демократии).

Во-вторых, по-разному оценивается Октябрь. Социалисты развивают наследие Троцкого, Мартова, Люксембург, «поздних» Бауэра и Дана по этому вопросу, считая происшедшее не только исторически неизбежным, но и в целом прогрессивным процессом, в то же время бескомпромиссно осуждая тоталитарные тенденции, существовавшие в русской революции изначально. Социал-демократы вслед за Плехановым и Каутским однозначно осуждают «переворот» как разрушивший надежды Февральской революции.

В-третьих, довольно значительно расхождение в понимании путей практической ликвидации существующего в СССР строя. Социал-демократы принципиально выступают за парламентскую партию («электоральную», по точной оценке О. Румянцева), социалисты — за кадровую организацию, способную стать (по образцу «Солидарности» и менее известной в Европе бразильской Партии труда) массовым движением и побороться за власть внепарламентскими методами, прежде всего массовыми забастовками и кампаниями гражданского неповиновения. В конституционный переход от нынешнего режима к демократии они не верят.

В-четвертых, по-разному оценивается возникшее в России рабочее движение. Для социалистов оно является примером реализации (пусть и в крайне зачаточном, неразвитом виде) их самоуправленческой идеологии, примером того, что самоорганизация массового движения обладает достаточным потенциалом для решения крупных задач экономического и политического характера, а его актив способен стать неотъемлемой частью формирующейся новой социалистической партии.

Социал-демократы же смотрят на эту среду (как и на любое массовое, «популистское», по их терминологии, движение) не как на свою социальную базу и опору, а как на потенциального союзника. Хотя среди рабочих активистов есть и люди, относящие себя к социал-демократам (хотя трудно сказать сейчас, кого в рабочем движении нет, поскольку в нем присутствуют разнообразнейшие элементы — от анархо-синдикалистов до сторонников «народного капитализма», от борцов за диктатуру пролетариата до активистов ДС), на съезде Конфедерации труда в Новокузнецке социал-демократы рекомендовали им пока создавать профсоюз, независимый от любых партий, утверждая, что социал-демократическая партия, создаваемая в настоящее время в России, готова защищать в парламенте их интересы. Еще раз хочется подчеркнуть, что речь идет о доминирующей в СДПР тенденции, блестяще по четкости и откровенности выражаемой наиболее авторитетным лидером партии О. Румянцевым.

Существуют, разумеется, и более «традиционно» настроенные течения. Оппоненты Румянцева любят ему указывать, что он исходит прежде всего из восточноевропейского (в особенности из профессионально им изученного венгерского опыта), очень слабо пока увязанного с реалиями родных палестин. Но, судя по победе именно этой линии на съезде (как и на предыдущих конференциях СДП), она сумела перерасти уровень неформальной тусовки и завоевать определенные позиции на направлении, избранном как приоритетное в парламентах Союза и России. В работе съезда, правда, принимало участие только четыре депутата одного и шесть — другого уровня, но информация о том, что как минимум несколько десятков депутатов

обоих Верховных Советов считают себя социал-демократами по убеждениям, хотя формально многие из них в СДП пока не вступили,* соответствует действительности.

С позициями в местных Советах дела обстоят не столь успешно, в особенности в Москве, где еще осенью 1989 года численность СДП не превышала сотни человек. По-настоящему массовой организация стала пока только в Ленинграде, не случайно на съезде она была представлена 80 делегатами из 200. Но сила Ленинграда обернулась слабостью с точки зрения внутреннего единства, в результате чего — как в свое время на II съезде РСДРП — произошел раскол по чисто организационным мотивам. Тогда, защищая федерализм и автономию, ушел Бунд, сегодня — группа Андрея Болтынского, обвинившая своих противников в большевизме, децентрализме и т. п. Насчет того, что это делается с целью «облегчить переход части партийных функционеров с тонущего корабля КПСС в организацию с новым названием, но с точно такой же тоталитарной структурой», Болтынский явно преувеличивает (впрочем, именно его группе принадлежит проект введения годичного кандидатского стажа для бывших членов КПСС при их вступлении в СДП, большинством проваленный).

Засилья бывших коммунистов в СДП нет среди руководителей и в помине, в своих документах социал-демократы совершенно четко и жестко отмежевываются от КПСС, в том числе и от реформистского крыла не только в лице Горбачева и Яковлева, но и от «Демократической платформы», предлагая принимать последних в СДП исключительно в индивидуальном порядке. Таким образом, возможность какого-то блока с подобными партнерами категорически отвергается. А вот насчет того, что «аналогичная модель передачи власти от коммунистов к социал-демократам уже опробовалась в Восточной Европе и не получила поддержки населения», Болтынский совершенно прав. Возможно, не ошибается он и когда говорит: «Осталось попробовать у нас, в Союзе. Но, увы, результат будет тот же». Неясно, правда, почему, ибо грехом демократического централизма и соглашательством с коммунистами восточноевропейские социал-демократы в массе никогда не были заражены.

Перед нами объективное противоречие: с одной стороны, данные зондажей общественного мнения показывают, что социал-демократическая ориентация обладает массовой популярностью в общественном сознании бывших «стран реального социализма», с другой стороны, они не в силах создать пока влиятельных организаций и на выборах терпят крах за крахом даже в тех ситуациях, скажем, как в ГДР, где большинство серьезных аналитиков предсказывало им победу. На примере ГДР, как наиболее показательном, есть смысл остановиться поподробнее. Выиграли, как известно, христианские демократы, никакого участия в антитоталитарной революции не принимавшие и бывшие все годы лояльным партнером режима под простым лозунгом: «Будет западная марка по курсу 1 : 1». Леворадикальные силы (Новый форум, Единые левые и т. п.) фактически вели избирательную кампанию под лозунгами «Не хлебом единым» и «Сохраним максимум лучшего из имеющегося» с понятными результатами.

Что делали в период революции их единомышленники из ФРГ (вместе с левым крылом «зеленых» их десятки тысяч), почему среди трудящихся не нашли заметного отклика концепции, радикального самоуправления и совладения собственностью, а идейно-политические силы, десятилетиями по обе стороны границы их разрабатывавшие, на них не настаивали и оказались несостоятельными в закреплении победы, фактически одержанной их усилиями,— надо еще изучать. ПДС, наоборот, в тяжелой для себя ситуации выжала максимум возможного и выступила на выборах как единственная серьезная партия социальной защиты и сохранения гарантий уровня жизни большинства населения как потребителей, то есть выступила как и.о. социал-демократии под лозунгом «Без нас вас продадут задешево».

Восточногерманские социал-демократы в сложившейся ситуации вообще не нашли своей специфической позиции, и, учитывая, что во всей Восточной Европе, включая Прибалтику, происходит то же самое, это явно не случайность. Социал-демократия в ее нынешней версии —

это все-таки по преимуществу западноевропейский феномен, за пределами этого региона имеющий серьезные позиции только в странах той же цивилизации и культуры (Канада, Австралия, Новая Зеландия). Без высокоразвитого рабочего движения в условиях высокоразвитого капитализма аналогичный феномен еще нигде не возникал. В странах Восточной Европы в подавляющем большинстве случаев рабочее движение как серьезная социально-экономическая сила еще не сформировалось, и люди, именующие себя социал-демократами, по преимуществу представляют интересы различных групп средних слоев вне зависимости от того, начиналась ли их политическая биография внутри коммунистических партий или они изначально стояли в непримиримой оппозиции к последним. Впрочем, и в Польше, где массовое рабочее движение есть, дела у придерживающихся социал-демократической идеологии идут ничуть не лучше, хотя внутри «Солидарности» есть как минимум три соответствующих течения, а еще два образовались на обломках ПОРП.

Российские социалисты изначально исходили из объективного существования перечисленных выше эскизным образом проблем. Что в случае краха тоталитаризма весьма вероятным исходом является не скачок к Западу, а сползание в «третий мир» в случае, если к власти приходят не трудящиеся, а адаптировавшиеся к новым условиям эксплуататорские слои, стало ясно уже в середине 80-х годов. Но этот исход, по их мнению, далеко не фатален и должен быть предотвращен, ибо в противном случае резко возрастает опасность глобальной катастрофы. Базовое противоречие систем советского типа можно сформулировать следующим образом: с одной стороны, основная масса трудящихся в строгом смысле этого слова не является еще даже наемными работниками, ведь в рамках тотального перераспределительного механизма доминирует внеэкономическое принуждение и, следовательно, докапиталистические формы эксплуатации, по сравнению с которыми положение свободного продавца своей рабочей силы было бы значительным прогрессом (тем более что тенденция развития позднего тоталитаризма требует новых стимулов к труду, трансформации «рынка продавцов» в «рынок покупателей», признания права различных социальных слоев на самоорганизацию и защиту своих интересов, в том числе и на политическом уровне).

На свой лад, впрочем, все это понимал уже Ленин в 20-е годы, неоднократно говоря, что государственный капитализм был бы большим прогрессом по сравнению с реально существовавшей в Советской России системой, но тогда доминировала противоположная тенденция — к тотальному огосударствлению, превращению всего общества в одну большую фабрику, что окончательно стало реальностью с импортированием конвейерной технологии, задавшей образец не только формированию производственных отношений, но и всех социально-управленческих структур. С другой стороны, развитие свободного рынка (в том числе и рабочей силы) в условиях краха тоталитарной системы является очевидной утопией — то, на что у Запада ушли столетия, предполагается путем какого-то нового скачка за десятилетие-другое реализовать у нас. Нигде еще в мире развитие рынка не начиналось с роста благосостояния и демократии, а нищетой и диктатурой за 70 лет великих побед большинство народа уже сыто. Поэтому вероятность того, что от «строительства коммунизма» массы, «перестроившись», перейдут к «строительству рынка и правового государства» (причем под руководством почти тех же самых социальных сил, перекрасившихся только идеологически), смело можно считать невысокой при любых нормах применения политики кнута и пряника.

Социалисты всегда были за соединение труда и собственности в одном субъекте, и многие серьезные теоретики социал-демократической ориентации на Западе признают, что массовая приватизация средств производства бывшей партноменклатурой, технократией, дельцами теневой экономики и иностранным капиталом (а других потенциальных претендентов на контроль за рынком капиталов в бывших социалистических странах нет и квалифицированному бизнесмену — «цивилизованному торгашу», в терминологии Ленина,— в ближайшее время взяться неоткуда) ведет не к современному рыночному хозяйству и социальному государству, а совсем в другую сторону. Но даже предупреждения Филиппе Гонсалеса и лидеров ФСП по

этому вопросу («дикий капитализм» может обернуться в Восточной Европе весьма правыми диктатурами национал-клерикалов, ненамного уступающих тоталитарным по уровню насилия и эксплуатации) пока бьют в пустоту.

Социалистам в России в результате приходится делать три дела сразу.

Во-первых, по причине отсутствия «нормальной» социал-демократии приходится делать ее историческую работу — способствовать элементарной самоорганизации формирующихся наемных работников на этапе перехода к рынку как доминирующему регулятору, то есть бороться за построение максимально современной и эффективной системы социальной защиты трудящихся.

Во-вторых, вести борьбу за выбор оптимальной для основной массы населения модели вывода собственности и власти из-под контроля тоталитаризма и передачи их под контроль демократический. Любой рынок в современном мире является регулируемым, «свободный рынок» — утопия, за которой скрывается определенный своекорыстный интерес. Весьма различное содержание может быть вложено и в понятия «правовое государство» и «парламентская демократия» формирующимися социальными субъектами. Ключевым звеном при этом для социалистов является разработка всеобъемлющей концепции самоуправления, включающей производственный, муниципальный, общегосударственный уровень.

В-третьих, проблемы построения оптимальной переходной модели не снижают вопроса о том, куда осуществляется переход. Если даже демократической власти, возникшей из антитоталитарной революции, удастся за ближайшее десятилетие решить проблемы продовольствия, жилья, качественных товаров и услуг, снизить остроту экологической угрозы и накал социальных конфликтов, то это еще автоматически не означает, что страна найдет свое достойное место в постиндустриальном мире третьего тысячелетия.

Кризис левых сил является фактом в развитых странах (комдвижение вступило в полосу развала, социал-демократия развитых стран оказалась в состоянии стагнации, новых серьезных претендентов на то, чтобы занять образовавшуюся нишу, пока не возникло — и это в условиях несомненного выдыхания «консервативной волны»), но в развивающихся достигнуты определенные успехи (прежде всего в Латинской Америке, и в особенности в Бразилии, где избавившиеся от сектантства бывшие коммунисты промосковской, пропекинской и прогаванской ориентации, новое профсоюзное движение, кооперативные и крестьянские союзы, троцкисты, левые социал-демократы и левые католики создали Партию труда, лидер которой собрал на президентских выборах 1990 года 38% голосов), хотя до сих пор не одержано ни одной крупной победы, способной вывести движение на новый уровень.

Наконец, в ходе антитоталитарных революций в странах Восточной Европы левые силы в большинстве стран не сумели реализовать имевшиеся у них серьезные возможности и потерпели в первом раунде борьбы чувствительную стратегическую неудачу, оказавшись сейчас за пределами массовой политики даже там (Польша, ГДР), где именно их руками были организованы силы, покончившие со старыми режимами. Разрабатывая свою стратегию, российские социалисты рассматривают себя как составную часть мирового революционного процесса, оказавшуюся — в силу очевидных геополитических обстоятельств — в условиях особой исторической ответственности.

В настоящее время это движение сравнительно невелико и, если проводить исторические аналогии, до известной степени напоминает КОР в Польше второй половины 70-х, объединяя в своих рядах как интеллигенцию самоуправленческой ориентации, так и ряд активистов возникающего в стране рабочего движения. Работа с забастовочными комитетами шахтеров Караганды и Прокопьевска, железнодорожников Восточно-Сибирской магистрали, металлургов Урала, Люблинского литейно-механического завода в Москве позволила подготовить некоторые кадры в преддверии новой забастовочной волны, начали давать определенные плоды

усилия по формированию организаций, защищающих интересы работников наемного труда (прежде всего квалифицированных) в рамках объединения социалистических профсоюзов, где помимо работников сферы материального производства представлены и различные группы интеллигенции. Отчетливо тяготеют к социалистам и левые в различных развивающихся официальных структурах (федерация социалистической молодежи — в комсомоле, часть «Демократической платформы» — в КПСС, радикализирующиеся активисты официальных профсоюзов).

Критерий принадлежности к левым для социалистов — не прошлое того или иного человека или организации, не формальное признание марксизма с социалистическими идеалами, а реальное ведение борьбы против эксплуатации как со стороны поздне тоталитарных структур, так и пытающегося прийти им на смену блока технократии, теневых дельцов, паразитической верхушки средних слоев и их идеологов, в который пытается встроиться сейчас и максимальное число представителей нынешней элиты. Неототалитаризм, прикрывающийся социалистической и коммунистической фразеологией, является для российских левых главным противником в борьбе за массовую базу. В лице Объединенного фронта трудящихся и формирующейся на его основе Российской коммунистической партии он довольно метко критикует новых претендентов на роль хозяев жизни, стараясь радикальной фразеологией замаскировать то обстоятельство, что фактически выступает за сохранение в реформированном варианте существующей системы внеэкономического принуждения «от имени трудящихся». Революционную ликвидацию тоталитарного перераспределительного механизма он объявляет посягательством на идеалы социализма, контрреволюцией, реставрацией капитализма и т. п. Правда, в последнее время идеологи этого движения сквозь зубы признали рынок — «регулируемый в интересах трудящихся» (вот только кем?), частную собственность — «трудовую», многопартийность — но чтобы власть осталась в руках рабочих (интересно, когда это она у них была?). Если перед нами не очередной образчик социальной демагогии, то тенденция представляется весьма занятной, в особенности учитывая, что непримиримые оппоненты ОФТ позаимствовали у них идеи карточной системы и проведения денежной реформы — на какие жертвы не приходится идти, чтобы сделать идею рынка более привлекательной в глазах «уровнительно» настроенных масс, жаждущих по причине замороченности коммунистической пропагандой и дурными национальными традициями какой-то мифической «социальной справедливости», от которой давно, как установили либеральные идеологи, человечеству один вред...

Разумеется, элементарное сопоставление этой пропаганды с реалиями западной цивилизации доказывает, что идея социальной справедливости (и не только в ее социал-демократической трактовке) занимает в рамках тамошней культуры свое законное и довольно заметное место, но, как учил еще доктор Геббельс, «для того, чтобы в ложь поверили, она должна быть колоссальной» — а уж в закономерностях политической пропаганды в обществах, структурно находящихся примерно на нашем современном уровне развития (то есть осуществивших в рамках модели догоняющего развития первые фазы индустриализации и урбанизации, жители которого стали в большинстве в первом-втором поколении городскими, но рыночные механизмы и парламентские институты в которых не столько прорастали снизу, сколько насаждались сверху), он толк знал. Не случайно общим знаменателем, в котором сходятся позиции наших западников — «левых» (утверждающих, что их дело правое) и наших почвенников — «правых» (считающих, что они самые левые и есть), является идея сильной руки. Только в первом случае она должна нам внедрить рынок, на котором будут свободно конкурировать неизвестно откуда взявшиеся все формы собственности, а заодно организовать правовое государство в виде парламентской демократии, а во втором — сделать почти то же самое, но национально-специфическим путем и в интересах трудящихся. Страх перед спонтанными взрывами активности трудящихся масс и попытки повернуть их путем

социальной демагогии в выгодное русло — в этом современные «западники» и «почвенники» тоже едины.

Но обществом в наше время манипулировать трудновато. При всех недостатках «семидесяти лет великих побед» хоть одного завоевания у нас никто не отберет: основная масса народа стала как минимум не глупее руководства — как в лице нынешнего, так и любых потенциальных претендентов на роль «руководящей и направляющей силы». И основные тенденции обозначились за последний год довольно четко.

С одной стороны, «реформистский блок», включающий в себя наиболее продвинутую в смысле западнической ориентации часть нынешней элиты и средних слоев. Капиталистами в строгом смысле этого слова они быть не хотят в большинстве в ближайшее время, ибо владение собственностью налагает серьезную социальную ответственность, а вот пользоваться всеми привилегиями соответствующего слоя, разумеется, не против. Развивающиеся страны, а теперь и Восточная Европа, демонстрируют массу примеров подобного, зависимо от Запада бюрократического псевдокапитализма, крайне неэффективного в области производства, но чрезвычайно зрелого в искусстве распределения и потребления. «Настоящий» предприниматель, квалифицированный менеджер находятся у этого слоя в услужении, не говоря уж о квалифицированном рабочем и интеллигенте (последний при благоприятных условиях перебирается в развитые страны). Наш «менеджер» в лице министра или директора, «бизнесмен» — теневик в массе, естественно, не составляет исключения из этого правила.

В отличие от развитых стран, где новые средние слои формировались прежде всего в сфере производства (и вклад в их генезис внесли главным образом квалифицированные рабочие, ИТР, интеллигенция «непроизводственной сферы», в условиях НТР ставшая самой что ни на есть производительной силой, мелкий бизнес и т. п.), в условиях разного рода «догоняющих» режимов с их гипертрофированной ролью государственной бюрократии, средние слои с вестернизированными ориентациями неизбежно складывались на базе общих потребительских стандартов в сфере распределения. Производственная квалификация по понятным причинам стояла среди условий социального продвижения на одном из последних мест, решали связи и уровень социальной лояльности — не только к режиму вообще, но и к конкретным «властям предрержащим». Но для того чтобы заменить свои незаконные с формальной точки зрения привилегии на новые законные доходы, этот слой нуждается не только в «сильной руке», но и в более широкой социальной базе.

Без привлечения на свою сторону квалифицированных работников наемного труда устойчивым подобный режим быть не может, он готов гарантировать рост жизненного уровня и определенный правовой иммунитет интересов от некомпетентного вмешательства при условии социальной лояльности. Политические свободы при этом, как показывает опыт Чили или Южной Кореи, могут в этом «социальном контракте» до поры полностью отсутствовать. Условие подобного выбора квалифицированного труженика — не только насилие, но и разжигание страхов перед шариковыми из числа неквалифицированных и низкооплачиваемых масс. Последними режим подобного типа при определенных обстоятельствах тоже неплохо умеет манипулировать.

С другой стороны, консолидируется блок, «не могущий поступиться принципами». Ядром его являются абсолютно те же социальные силы, что и в первом случае, — тоталитарный распределительный механизм, обросший паразитическими слоями, только в лице его консервативного крыла, опасавшегося в условиях трансформации в рыночной авторитаризм потерять многое, если не все. Этот слой традиционно опирался на массу неквалифицированных и низкооплачиваемых, заключив в эпоху брежневизма с ними тоже своего рода социальный контракт: вы делаете вид, что работаете, а мы делаем вид, что платим вам деньги. Условия, в которых был возможен этот «потерянный рай», ныне не вернуть, в связи с чем приходится манипулировать угрозой нового «великого перелома», когда, используя как таран аппаратных

фанатиков и опираясь на массы, в тот период действительно свыкшиеся с уравниловкой, рекрутированные из числа элементов с весьма ограниченными потребностями, удалось «поставить на место» тех, кто хотел сполна получать за качественную работу. Сталинизм, разумеется, невозвратим, но в случае краха либерально-западнического проекта (что почти неизбежно в российских условиях и слабости самостоятельного массового движения трудящихся) диктатура, аналогичная гитлеризму, может стать серьезной угрозой (разумеется, нельзя исключить попыток и превентивного установления подобного режима с целью предотвращения социального взрыва). Для того чтобы обеспечить массовую базу и относительную устойчивость такому «решению», вполне может хватить года-другого социального хаоса и элементарной борьбы людей за чисто физическое выживание. Разумеется, к социализму подобный режим будет иметь не большее отношение, чем сталинизм или гитлеризм.

По мнению социалистов, поставить надежный барьер на пути реализации подобных сценариев способно лишь массовое движение трудящихся, ядром которого может стать только блок работников квалифицированного труда. Защита повседневных интересов как результат структурирования различных социальных слоев, далеко не только сферы материального производства, в условиях формирования рыночной экономики является его первоочередной задачей (что значит «перевод на хозрасчет» науки, культуры, образования и здравоохранения в современном советском обществе, понять не очень трудно).

Экономический и иной прогресс не должен осуществляться за счет интересов большинства, и в то же время должны быть ограждены от некомпетентного вмешательства законные интересы любого меньшинства — в этом и заключается сущность социума, именуемого себя социалистическим. Частнопредпринимательский производительный уклад, в отличие от тоталитарного перераспределения и псевдорыночной наживы технократических монополий, которые, как паразитический нарост, должны быть устранены, имеет законное право на существование, по мнению социалистов, как один из равноправных укладов, при условии того, что ни он, ни госсектор, ни самоуправляющиеся предприятия, находящиеся в совладении коллективов, не смогут превратиться в монополистов в любом секторе экономики.

В отличие от анархо-синдикалистов для социалистов государство будет существовать в обозримом будущем, а помимо непосредственной демократии в лице советов самоуправления различных уровней неизбежно существование и представительной парламентской демократии, и многопартийной системы, поскольку в условиях отсутствия или слабости, неразвитости системы многопартийности и профсоюзного плюрализма неизбежно нарастает опасность возникновения силы, вновь способной монополизировать собственность и власть. Вопрос — в мере сочетания прямой и представительной демократии, различных укладов в экономике, мировоззренческих течений — в политике идеологии, культуре, и его решение зависит не от априорных принципов, а от развития политической практики. Для того чтобы реализовать свои взгляды, надо, чтобы определенные социальные силы восприняли их как свои. Над этим сейчас и работает соцпартия России.

Опубликовано в общественно-политическом ежемесячнике «Горизонт» № 8 за 1990 г.